

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Перспективы интеграции социальных и клинико-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования

БУРЛАКОВА Н.С., ОЛЕШКЕВИЧ В.И. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ И КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМНОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

English version: [Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Prospects for integration of social and clinical-psychological conceptual systems for elaboration of systematical cultural-historical research](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е.Сухаревой, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Системные культурно-исторические исследования социальных явлений, изучение социальных импликаций в клинико-психологических концепциях личности, равно как и базовых структур социальности, до сих пор недостаточно представлены в современной психологии. Фундаментальные заделы отечественной культурно-исторической психологии не получили активного развития, в том числе и в силу трудностей разработки соответствующих методологий исследования. В статье обсуждаются интегративные предметности социальной психологии, психологии развития и клинической психологии, а также соответствующая методология, значимые для новых исследований в области изучения общения, идентичности, развития самосознания в норме и патологии и др. Обращение к итогам анализа различных форм клинико-психологического знания о личности в контексте изучения конкретно-исторических условий его возможности выявляет сложную психосоциокультурную динамику формирования данного знания. В этой связи изучается роль болезненного опыта и его осознания для развития новых форм психологического познания и открытия новых форм социальности, в том числе и социальности внутреннего мира, мира самосознания. На основе анализа развития клинико-психологического знания обсуждаются перспективы построения культурно-исторического исследования на стыке социальной, возрастной и клинической психологии, что в значительной мере повышает уровень и качество психологического исследования. Этому способствует: а) выделение и анализ новых форм социальности как в теоретических концепциях, так и в практике организации психологического исследования; б) объединение широкого многообразия объективных и феноменологических, диалогически-герменевтических методов и способов работы для понимания и изучения культурно-исторического объекта, психологической теории, личности, особенностей формирования психического расстройства и внутреннего мира пациента. В завершение статьи очерчиваются перспективы дальнейших разработок системного культурно-исторического исследования с опорой на имеющийся у авторов опыт его конкретной реализации, что в конечном итоге может привести хотя и к сложной, многошаговой, но

методологически прозрачной технологии, необходимой для его осуществления.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, культурно-исторические исследования, социальная психология, психология развития, клиническая психология, психотерапия, теории личности

Даже беглый взгляд, обращенный к оценке состояния современной психологии, свидетельствует о широком многообразии и пестроте существующих исследований и о целом ряде методологических оппозиций, их характеризующих. Среди них качественные и количественные исследования, объективистские и феноменологические, натуралистические и в разной мере культурно-исторически обоснованные и т.д. В отношении культурно-исторических исследований ситуация также неоднозначна. *С одной стороны*, эти исследования, опирающиеся на пионерские работы Л.С.Выготского, М.М.Бахтина, Б.Ф.Поршнева в отечественной психологии, обладают общепризнанной научной значимостью. Особое место в этой палитре исследований занимают фундаментальные разработки по методологии психологии, в том числе по проблемам культурно-исторической психологии, историческому осмыслению традиций отечественной психологии [Зинченко и др., 2010; Кольцова, 2008; Марцинковская, 2016; Щедрина, 2011], а также анализу зарубежных концепций, созданных в различных областях психологии (социальной, клинической и др.), которые могут быть осмыслены в контексте концепции Выготского [Андреева 2002, 2011; Стефаненко, 2002; Соколова, 2015; Хорошилов, 2016; и др.]. В отечественной традиции представлены работы по культурно-историческому анализу знания, выявлению «основания мира концептов» [Гусельцева, 2002; Зинченко и др., 2010; Пузырей, 2005]. Существует целый ряд работ, близких по тематике, но выполненных в иной традиции, и в западной психологии (С.Московичи, К.Герген и др.). *С другой стороны*, нынешнюю ситуацию в психологии можно охарактеризовать, не без сожаления, как господство позитивистских работ. Здесь сказывается влияние ведущих трендов современных естественных наук и основных направлений развития западной культуры в целом, что находит свое отражение и в условиях России. Несмотря на фундаментальный методологический задел, разработка культурно-исторической психологии по-прежнему недостаточно реализована, требует целенаправленных усилий в условиях обостренного противостояния научно-методологических парадигм.

С методологической точки зрения важно различать уровни и качество психологического исследования, среди которых культурно-историческое исследование по праву может считаться исследованием более высокого уровня и более глубокого качества. Это относится и к самим объектам научного исследования, и к изучению научных понятий и теорий, а также и конкретного человека. Здесь мы рассматриваем объекты исследования именно как культурно-исторические объекты, каковыми и являются детство, воспитание, болезнь, психические расстройства, индивидуальная история человека и т.д. [Кон, 2003; Марцинковская, 2016; Эльконин, 1989; Фуко, 1997; и др.]. Не менее сложным предметом культурно-исторического анализа является и психологическая теория, и психологическое понятие, и даже исследовательская программа. Во-первых, потому что они ориентированы на отображение сложных культурно-исторических объектов, и, во-вторых, потому что они и сами укоренены в определенную культурно-историческую ситуацию. Когда мы говорим о культурно-исторической методологии психологии, имеется в виду не просто понимание и учет культурной опосредованности нашей психики и положение о том, что психика только и существует в культуре, что она конструируется культурой и формируется ею. Но речь идет и о том факте, что так понимаемая психика функционирует в нашем самосознании как определенная культурная психотехника, то есть как некоторая ценностно-ориентированная и технически рефлексивная система воспроизводства человека. Такое понимание психологии означает также практическое понимание образцов нашей жизни, того, «как мы живем», а поэтому в конечном счете так выстраиваемые психологические исследования являются всегда практически ориентированными, а не только констатирующими фактические данности. В соответствии со сказанным выше цель статьи состоит в изучении имплицитных

возможностей интеграции в современной психологии как со стороны ее предметностей, так и со стороны ее методов на основе введения психологических предметностей в контекст культурно-исторической психологии.

Интеграция социальной психологии, психологии развития и клинической психологии

Культурные психологические объекты, психологические понятия, теории и психологические явления после их системного культурно-исторического и психотехнического анализа открываются нам именно со стороны способов их конструирования, формирования, с одной стороны, а с другой стороны – со стороны их внутренних социально-психологических механизмов собственного функционирования и развития. Другими словами, они культурно-исторически открывают нам объект как с объективной, культурно-исторической стороны его формирования, так и изнутри его феноменологического существования, внутренних психотехник его функционирования и развития [Бурлакова, Олешкевич, 2011, 2012; Олешкевич, 2007]. Такой подход осмыслен и к пониманию психологии в целом, и к изучению различных предметностей, которые исторически сложились в психологии. Например, сегодня социальная психология, психология развития, и клиническая психология воспринимаются как различные области и различные направления развития психологического знания. Хотя уже в свое время З.Фрейд, позже А.Адлер и Л.С.Выготский приходят к выводу о том, что всякая психология является социальной, а это означает, что и психологию развития, и клиническую психологию тоже необходимо понять в качестве определенных типов социальных психологий. Другими словами, если мы следуем культурно-историческому подходу в понимании психологии развития и клинической психологии, то обе они оказываются социальными психологиями. Здесь можно сказать, что во всех этих направлениях психологии нужно или возвратиться к базовым истокам понимания социальности всякой человеческой психики, или предстать перед необходимостью интеграции разных «психологий» (например, психологии развития, клинической психологии и социальной психологии). О том, что такая интеграция необходима, может говорить, в частности, существование двух понятий или двух типов идентичности в психологии: с одной стороны, понятие социальной идентичности, а с другой стороны, понятие собственно психологической (личностной) идентичности. До сих пор они разрабатывались преимущественно в рамках различных направлений исследований и чаще как достаточно самостоятельные понятия. Но культурно-исторический подход к пониманию идентичности требует, с одной стороны, понимания и систематического изучения того, как социальное трансформируется в психическое, а значит, как социальная идентичность трансформируется в собственно психологическую, а с другой стороны, как собственно психическое развертывается в социальное, как личная идентичность формирует идентичность социальную. Если мы считаем, что человек и его психика принципиально социальны, а культурно-историческая психология принципиально придерживается этой позиции, то необходимо изучать совместно как внешнюю, так и внутреннюю социальность. Эти два измерения социальности существуют всегда, поскольку человек социален даже тогда, когда мы наблюдаем его асоциальные проявления, или же когда речь идет о состоянии психической болезни. Понимание всех этих явлений в социальном контексте вместе со всеми их эмпирическими вариациями методологически и будет означать системное продвижение к постижению настоящей сущности социальности, а вместе с этим и движение к настоящей психологии, поскольку с этой точки зрения настоящая психология – это социальная психология.

Данное положение нужно понимать прежде всего методологически. Это означает, что всякое психическое содержание, которое мы исследуем как на материале отдельного индивидуума, так и на материале изучения социальной группы, коллективной психики необходимо понимать именно как развернутые или свернутые социальные отношения, как внешние либо внутренние диалоги. То есть все это предполагает понимание психических содержаний в рамках диалогической парадигмы. Когда говорится о диалоге, то всегда речь идет о диалоге внутри самосознания, которое в конечном счете и организует всякое психическое содержание. Это значит, что здесь психика рассматривается

не просто как социальная структура, но именно как диалогическая структура, в которой свернуты по крайней мере два самосознания вместе с особым характером их взаимодействия. Хотя в теоретическом плане это утверждение и может восприниматься как достаточно ясное (хотя бы в том смысле, что здесь предполагается строгое следование Выготскому и Бахтину), но в плане методологическом оно создает важную и сложную методологическую задачу. Она состоит в разработке и последующей реализации соответствующих методов понимания и исследования такого рода, а также определяет новое качество исследовательских продуктов или результатов.

Если добавить к этому структурному и в значительной мере синхроническому методическому положению диахроническое положение о развитии психики, то есть ввести в матрицу психологического исследования также и методологию психологии развития, то это будет означать требование понимать всякое психическое содержание как содержание развивающееся. Если же мы основываемся на диалогической онтологии, то это требование конкретизируется через рассмотрение развития психического явления внутри определенных оппозиций самосознания, борьбы и конфликтов, внутри которых в действительности и происходит развитие. В этом смысле кризисы развития характеризуют не только онтогенетическое развитие ребенка, но требуют своего обобщения для понимания развития и в более широких контекстах. Здесь важно уйти от натуралистичности, иметь в виду рассмотрение развития психических содержаний внутри диалога самосознаний или как диалог самосознаний. Это, в свою очередь, предполагает борьбу самосознаний, выход за границы предметностей сознаний, то есть принятие в расчет также «аномальных» состояний сознания, которые всегда сопровождают развитие. Например, Г.В.Ф.Гегель писал, что чтобы понять сущность права необходимо пусть в умственном плане, но перейти его границу. Это значит, что развитие в целом предполагает прохождение такого рода границ предметностей сознания. Здесь мы переходим к некоторой «кризисной» психологии, к широкому кругу болезненных психологических явлений, которые всегда сопровождают развитие. Таким образом, психология развития интегрируется с патопсихологией, и шире – с клинической психологией. Об этом в свое время писали Л.С.Выготский, Б.В.Зейгарник.

Патологические явления и их значение для открытий новых социальных явлений

В этом смысле характерно, что новые теории личности на протяжении всего прошлого века формируются прежде всего внутри клинической психологии, в частности, патопсихологии. Это относится к теориям личности З.Фрейда, А.Адлера, К.Юнга и других психоаналитиков, а затем и К.Роджерса, у которого представление о клинике расширяется, а вместе с ним и видение вариаций расстройств личности, так что более ярко открывается социальная сущность некоторых из них. Это же можно сказать и о психологии Выготского, который неслучайно выносил дефектологию в свою основную специальность и область основных интересов. Несмотря на все разнообразие и широту понимания патологии, здесь каждый раз и по разным причинам в психическом аппарате что-то расстраивается, «выпадает» из привычно функционирующего, и работа психических процессов дезавтоматизируется. В различных типах опыта здесь видны выпадения самых разных опорных звеньев психического процесса, начиная от природных и кончая культурными. В частности, именно опираясь на рефлексию новой социальной ситуации в современном ему обществе, Выготский и открывает культурно-историческую психологию, делая это аутентичным для данной исторической ситуации способом, откликаясь на задачу «формирования нового человека». По-другому и в иных условиях открывает культурно-социальную подоплеку в психологии Адлер. В других обстоятельствах, в контексте кризиса протестантской культуры открытие фундаментального значения социальных интеракций в формировании самости осуществляется Роджерсом. Культурно-исторический контекст понимания и соответствующий анализ такого рода открытий имеет, с нашей точки зрения, первостепенное значение для понимания природы как клинко-психологического, так и социально-психологического знания. Такой анализ представляет собой системное исследование как самой культурно-исторической ситуации порождения нового знания, так и того социального опыта определенной группы и личного опыта автора концепции, на материале которых и

происходит открытие новых форм психологического познания, новых концепций, понятий, в которых этот опыт отражается и кристаллизуется. Значение и результаты такого исследования мы показали в целом ряде публикаций, относящихся к изучению культурно-исторической природы знания З.Фрейда, А.Адлера, А.Фрейд, Э.Эриксона [Бурлакова, Олешкевич, 2011; Олешкевич, 2017; и др.].

Смысл историчности психологий

Эти направления психологии возникают в конкретных социально-исторических и культурных ситуациях. Они открываются и разрабатываются конкретными личностями, принадлежащим к определенным культурам и соответствующим социальным группам, психологию которых они в конечном счете и рефлектируют. И в этом смысле все эти психологии являются в своей основе именно культурно-историческими психологиями, но эту культурно-историчность нужно каждый раз реконструировать и раскрывать. Благодаря такой исследовательской работе можно усмотреть в этих психологиях более глубокие культурно-исторические смыслы, понять их ценностные основания и культурные задачи, решаемые ими. Таким образом, можно вторично осуществлять рефлексию этих концепций культурно-исторически. В целом же всякая психологическая концепция, теория личности существует в культуре, в конечном счете выполняет культурные задачи и в этом смысле всегда является культурно-историческим явлением, хотя на поверхности она может выглядеть позитивистской или натуралистической. Методологическая задача здесь состоит именно в культурно-исторической и психотехнической рефлексии такого рода психологических концепций.

На основе такой рефлексии психологических концепций можно расширить и углубить общий формат культурно-исторической психологии. С нашей точки зрения, такая психология, с одной стороны, обязательно объективная психология (в смысле, например, Выготского, Гальперина, Поршнева). С другой стороны, поскольку это психология самосознания, ориентированная на онтологию диалога самосознаний, она субъективна, феноменологична и экзистенциальна в смысле Бахтина. Объединение этих двух методологических позиций (объективного исследования психического явления извне и феноменологического исследования его изнутри) является необходимым условием продуктивного выстраивания психологического исследования в рамках данного подхода.

Открытие новых форм социальности

Кажется важным подчеркнуть историчность культурно-исторической психологии. Это означает, что как предмет понимания и исследования, так и самого исследователя мы рассматриваем здесь конкретно-исторически, как находящихся внутри истории, в определенной ситуации в культуре и в определенных социальных контекстах. Как уже говорилось, исторически именно в кризисных ситуациях, в ситуациях, когда старые психотехнические формы не срабатывают, и происходили прежде всего новые психологические открытия. В частности, интересно, что именно в таких ситуациях дезавтоматизации психологического познания, в связи с исследованием различных форм патологического опыта, происходило одновременно и открытие новых форм социальности: как различных первичных форм социальности, которые вследствие автоматизации нормативных психологических процессов оказывались свернутыми и непонятными для исследователя, так и различного рода превращенных форм социальности, в частности различных форм вытеснения, защитных механизмов и т.д. Важно здесь и то, что вместе с открытием новых форм социальности происходило и открытие новых форм человеческого общения и даже новых его жанров, а в конечном счете новые формы психотерапии породили целые новые культуры общения, на основе которых стали расти новые психологические культуры. Таким образом, встав на историческую точку зрения по отношению к психологическим знаниям, можно наблюдать как эти знания конструируются в истории, причем это происходит по-разному в различных культурно-исторических ситуациях. Мы видим различные знания в психологии Фрейда, в психологии Адлера,

Юнга, и одновременно видим, как они развиваются и расширяются вместе с личностным развитием авторов этих знаний. Здесь становятся отчетливыми принципиальные различия западно-европейских психологических знаний и психологического знания в школе Выготского, которые становятся понятными изнутри особых культурно-исторических ситуаций, в которых это знание порождено. Но вместе с тем оба подхода (западно-европейский и школы Выготского) к психологическому знанию являются здесь в одинаковой мере истинными, адекватными и продуктивными, разрабатывающими все ту же культурно-историческую психологию, но с разных сторон, так что подход в западной психологии и подход Выготского являются взаимодополнительными направлениями разработки культурно-исторической психологии [Бурлакова, Олешкевич, 2010; Олешкевич, 2011]. Здесь важно обратить внимание, что в каждой из такого рода концепций можно наряду с явными усмотрениями открыть неявные формы новых типов коммуникации, новых форм диалогов, разворачивание нового опыта социальности и становление новых видов общения.

Общим выводом исследований такого рода является следующее положение: новый психологический опыт формируется в тех условиях, когда старый по каким-то причинам автоматически не срабатывает, формализуется, устаревает, и культура, а вместе с ней и человек, сталкивается с новым и обычно болезненным опытом. Интересно, что новое в начале выступает в виде болезненного психологического опыта, в виде расстройства, болезни, которая обычно разворачивается как опыт социальный, например, как опыт возрождения ранее редуцированных автоматизированных или вытесненных социальных связей. Этот факт очень важно осознавать, подвергать рефлексии, поскольку вследствие болезненности нового опыта, он достаточно быстро рационализируется в рамках психологических концепций, а вследствие рационализации и схематизации из него обязательно что-то исчезает. Так что он часто превращается в нечто подобное покрывающим воспоминаниям, причем исчезает в этих рациональных конструкциях нечто важное, то, что обнаруживается только зачастую в последующих концепциях. И это не какие-то натуральные естественные переживания, а именно определенные формы социальности, явные или неявные формы общения людей в культуре.

Таким образом, определенные формы психической патологии, рассмотренные в культурно-историческом формате, часто инициируют новые психологические теории о нормативном в личности, исследуя которые можно, что называется задним числом, открывать новые формы социальности. Все это говорит о том, что социальная психология, если ее понимать с культурно-исторической точки зрения, входит в сами основания, саму архитектонику не только общей психологии, но и клинической психологии.

Социально-психологический взгляд на клинко-психологические явления

Эти выводы относятся к клинической психологии двояким образом. С одной стороны, если сегодня взглянуть на онтологии клинической психологии, на различные объяснительные схемы расстройств психического развития, то обнаруживаются описания нарушений внутренних интеракций, внутренних диалогов, которые происходят из внешних форм общения личности. Например, в механизме вытеснения, описанном Фрейдом, скоро обнаруживается определенная форма социальных отношений, интериоризированная форма коммуникации (Адлер, Бахтин). Интернализированные формы коммуникации впоследствии стали идентифицировать с функционированием тела пациента в психосоматических расстройствах (З.Фрейд, В.Райх, А.Лоуэн и др.). Аналогичные внутренние конструкции психических расстройств стали обнаруживать и когнитивные психотерапевты, в виде особых типов нарушения, характерных для депрессии и других аффективных расстройств. В целом же ряде направлений в теориях модифицированного психоанализа (в частности, в теориях объектных отношений, теориях нарциссизма) социальные связи и отношения, формы общения ребенка и матери кладутся в основу психической организации человека. Здесь в разных формах практически открыто утверждается, что психическая организация человека представляет собой сложную иерархическую, шаг за шагом разрабатываемую и

прорабатываемую в онтогенезе, социальную структуру, сложно организованную систему социальных коммуникаций во внутреннем психологическом пространстве, систему идентификаций и связанных с нею субличностей, формирующих широкое многообразие внутренних диалогов человека.

Такая структура психической организации в отечественной клинической психологии исследовалась как диалогическая структура самосознания индивидуума, где самосознание, с одной стороны, определялось как некоторая движущая сила развития, а с другой стороны, самосознание и его развитие понималось как обязательно социальное и культурное самосознание, которое невозможно без Другого в смысле Бахтина [Бурлакова, 1996; Бурлакова, Олешкевич, 2001; Соколова, 2015]. Такое, в сущности, социально-психологическое понимание клинической психологии, если его методологически рефлексировать, открывает новые более широкие возможности в осмыслении многообразных психологических явлений внутри нее. Таким образом, во всяком нарушении психического развития, во всяком симптоме и синдроме, во всяком расстройстве мы будем склонны искать именно нарушения общения, как внутреннего, так и внешних его прообразов, которые интернализировавшись или интериоризировавшись, превратились в патологически функционирующие. Но это только одна сторона той перспективы, которую открывает социально-психологический взгляд на проблематику клинической психологии. Впрочем, уже здесь можно увидеть, как реализация этого взгляда в практике эмпирических исследований может обогатить и саму социальную психологию: она откроет ей широкое поле новых форм общения, с которыми социальная психология еще не встречалась (в силу клинической, имплицитной, обычно скрытой реальности данного опыта), поскольку до сих пор она работала преимущественно только с обобщенными моделями, на которых изучались различные формы общения.

Другая сторона такого взгляда на клиническую психологию открывает новые формы общения прежде всего с практико-методической стороны. Речь идет в данном случае об исследовании психотерапии. Ведь различные формы психотерапии являются, в сущности, определенными формами общения, новыми формами социальности, сотрудничества и способами организации социальных связей. С одной стороны, мы саму организацию психики можем понимать социально, как определенную структуру социальной коммуникации, но, с другой стороны, и обнаруживается эта структура в рамках прежде всего определенных форм коммуникации пациента и психотерапевта. Два эти аспекта социальности непосредственно связаны друг с другом и могут непосредственно переходить друг в друга. С одной стороны, согласно Выготскому, то, что было социальным становится психическим, но теперь мы должны оговорить, что это происходит в результате определенных форм внешнего социального общения. Каково это общение, каковы его условия теперь и необходимо восстановить. И такая процедура в рамках психотерапии также осуществляется, здесь ставится задача установить, что интериоризировано, в каких условиях это происходило, и как это происходило, то есть ставится вопрос о реконструкции самого процесса овладения внешними отношениями. С другой стороны, в психотерапии представлен и обратный процесс – организации вынесения внутреннего психологического опыта вовне, в интерактивное пространство, чтобы затем этот опыт осознать, проработать, трансформировать и присвоить по-новому. Но эта работа осуществляется тоже в рамках определенных форм общения, определенные социальные отношения как бы обрамляют такую работу, являются ее настоящими психологическими орудиями. Это, в сущности, как раз те психологические средства, которые искали и разрабатывали в психологии такие замечательные ее представители как Выготский, Лурия, Гальперин и их ученики. Ими оказываются именно социально-психологические формы общения, которые как раз и являются предметом изучения социальной психологии. Обратим внимание, что здесь речь идет не просто об абстрактном общении или какой-то абстрактной сущности общения, а об общении как о достаточно конкретном инструменте организации психического развития индивидуума, что является также и областью интересов психологии развития.

Интеграция психологии, открытие новых предметностей и реализация

методологии культурно-исторической психологии

Развитие психотерапии в западных обществах уже само по себе рождает не только новые культуры общения, но и особые психотехнические культуры. Более детальное изучение развития появляющихся диалогических форм опыта внутри различных направлений психотерапии может позволить открыть и совершенно новые социально-психологические предметности, в частности, на стыках клинической психологии, психотерапии и социальной психологии. Эти предметности оказываются культурно-исторически обоснованными, а также всегда так или иначе ориентированными практико-методически. Речь идет не только о реконструкции различных форм социального опыта как в культуре, так и в психике индивидуума, но и о решении практических задач, как клинико-психологических, так и задач культуры, как их называл Г. Мюнстерберг.

Конечно же полномасштабное культурно-историческое исследование, как мы его понимаем, может показаться достаточно громоздким. Например, изучая психологическую концепцию Э. Эриксона, необходимо понять и проанализировать историческую ситуацию, внутри которой происходило его развитие, особенности социальной группы, к которой он принадлежал, процессы женской эмансипации, которые оказали решающее значение в обстоятельствах его развития, социологию и культурологию тех сообществ, внутри которых происходило общение и развитие ученого и пр. [Бурлакова, Олешкевич, 2011]. В таком исследовании необходимо говорить одновременно как о непосредственном окружении, которое сопровождало развитие личности Эриксона, так и анализировать и его собственную личность, опираясь на данные биографии и научное творчество. Для этого нами использовались методы сравнительно-исторического, культурологического и социологического анализа, с одной стороны, а с другой стороны, феноменологические и герменевтические методы, специальные техники анализа внутренних диалогов. Причем важно было сохранить равновесие и взаимную перетекаемость объективного анализа и феноменологического исследования. Все это трудоемко и выглядит достаточно объемно, но первоначальные исследования требуют всегда много усилий, ручной работы и времени. В перспективе они могут быть обобщены, техники рационализированы и т.д. Нечто подобное когда-то Гальперин отвечал на вопрос о громоздкости его метода. Он полагал, что при его повторном воспроизведении многие процедуры могут сокращаться и технологизироваться. Также и культурно-исторические исследования в конечном счете могут быть шаг за шагом сжаты, рационально прозрачны в плане последовательности необходимых шагов для их осуществления. И эта работа того стоит, поскольку здесь есть возможность получить результаты нового типа и качества.

И, наконец, нужно иметь в виду следующее. Часто думают, что культурно-историческое исследование касается только в значительной мере явлений исторически отдаленных от нас или же концентрируется на сравнительном анализе психологических данных. На самом деле это не так, ибо мы всегда находимся в истории и являемся носителями определенной культуры. Удерживание этого фокуса видения может стать необходимым условием любого культурно-исторического исследования.

Литература

Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 9–26.

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, 6(20), 1. <http://psystudy.ru>

Бурлакова Н. С. Внутренний диалог в структуре самосознания и его динамика в процессе психотерапии: дисс. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 1996.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория, практика применения к

исследованию личности ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.

Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования. Культурно-историческая психология, 2010, No. 2, 88–97.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э.Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинко-психологического знания). М.: Маска, 2011.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии. Вопросы психологии, 2012, No. 6, 35–44.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма. Вопросы психологии, 2002, No. 3, 119–131.

Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Олешкевич В.И. Некоторые подходы к методологии психологии. Методология и история психологии, 2007, 2(1), 20–36.

Олешкевич В.И. Культурно-исторический анализ в западной «психотерапевтической» психологии и новые формы культурно-исторической психологии. Культурно-историческая психология, 2011, No. 1, 99–107.

Олешкевич В.И. Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. М.: Юрайт, 2017.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Стефаненко Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 27–41.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб: Университетская книга, 1997.

Хорошилов Д.А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой). Национальный психологический журнал, 2016, No. 3, 75–84.

Щедрина Т.Г. (Ред.). Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. Коллективная монография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Сведения об авторах

Бурлакова Наталья Семеновна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: naburlakova@yandex.ru

Олешкевич Валерий Иванович. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е.Сухаревой, 5-й Донской проезд, д. 21А, 119334 Москва, Россия.

E-mail: ov-6161@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Перспективы интеграции социальных и клинико-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования. Психологические исследования, 2018, 11(62), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Перспективы интеграции социальных и клинико-психологических предметностей в контексте разработки системного культурно-исторического исследования // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/179-v11n62/1645-burlakova62.html>

[К началу страницы >>](#)